

К 60-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА АСТАФЬЕВА

ЧАСТИЦА СУДЬБЫ НАРОДНОЙ

Русская литература всегда невольно задавала загадки. Даже отдельные мысли, афоризмы, сюжеты ее творцов на десятки лет становились предметами пристального изучения и яростных споров. Сколько дискуссий прошло в аудиториях мира, сколько копий сломано в попытке объяснить, что же такое русский национальный характер, но необъяснимое это явление так, наверное, и останется до конца неразгаданным и непостижимым. Писатели XIX века представили нам наших соотечественников со всех сторон и во всех ситуациях, но пришло новое время, явился Григорий Мелехов, Василий Теркин, Иван Африканович, Настена — и загадка таинственной «славянской души» вновь будоражит мировые умы...

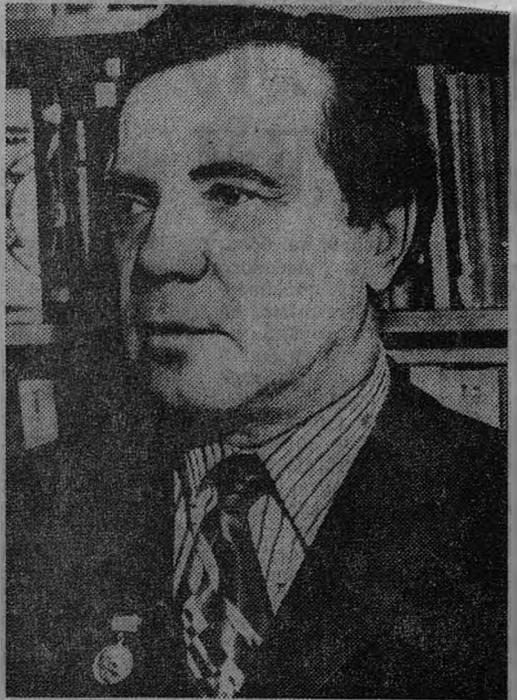
Казалось: ну что еще писатель может сказать о бабушке после горьковской Акулины Ивановны? Но вошла в нашу жизнь Катерина Петровна Потылицына, настолько своя, что немислимо даже подумать — неужели всего лишь четверть века назад все мы, наши родители не знали ее? Конечно, знали, и не только знали — жили рядом с ней и благодарили ей — только в литературе ей было суждено еще появиться, чтобы навечно остаться в людских душах.

И вот исполняется шестьдесят лет Виктору Петровичу Астафьеву. Представлять читателям его не нужно: тираж каждой его книги исчисляется сейчас в сотнях тысяч экземпляров. Это говорит само за себя. Не обижен он и вниманием критики. Вначале она дружно восторгалась его происхождением, его приходом в литературу «от молотка и лопаты». Теперь в критических разборах все чаще ищется ответ на вопрос: что же такое творчество Астафьева? Начал ли это той литературы, о которой когда-то мечтал Лев Толстой, где не надо будет ничего придумывать, а лишь описывать характеры и события действительные; а может, это оптимальный сплав житейского опыта и литературного галланта; а может, никакой не сплав, а преодоление на практике давней и мучительной диспропорции между словом и делом... То есть в его творчестве явственно ощущается какая-то великая загадка, без которой не было и, наверное, никогда не будет настоящей литературы.

Один из властителей дум прошлого века однажды обмолвился: «Делайте так, как я говорю, но не делайте, как я делаю». Оговорка многозначительная и, увы — до сих пор еще находящая своих сторонников. Для Астафьева же подобная раздвоенность немислима. Вся жизнь его прошла рядом с людьми и на виду у людей, житейский этот уклад не мог не отразиться на его характере и творчестве: вот, дорогие друзья и читатели, — как бы говорит он, — весь я перед вами, во всем открыт. Таить нечего, каков есть, такого и судите.

В книгах своих он утверждает лишь то, что сам испытал, прочувствовал, осознал, выстрадал. И жилища его — будь то убогая, дощатая, насквозь промерзающая каморка в Чусовом, или просторная вологодская квартира, или небольшой рубленый домик в Овсянке, на родине — никогда не знали закрытых дверей. Там всегда были самые разные люди, как родные, так и вовсе незнакомые, нежданные, но все принимались с одинаково добрым и таким искренним радушием, что оставалось после лишь удивиться, когда же хозяин находит время для главного дела своей жизни — писательства.

Когда критика говорит о национальном ха-

рактере, она всегда оперирует примерами литературных героев, их типами. Но ведь сам писатель тоже какая-то частичка, какая-то грань этого самого характера.

И удивительная метаморфоза, когда бездомный парнишка, греясь в заброшенном сарае у самодельной печурки, топит ее самодельно «реквизированными» дровами и гремит о дальних, романтических странах, напевая про «бананово-лимонный Сингапур» — а потом, спустя десятилетия, получает вдруг из этого Сингапура книжку с собственным, чужими буквами на обложке написанным именем, такая метаморфоза говорит не о счастливой случайности, а скорее о нравственной сути того народа, где рожден этот парнишка, его умения пройти сквозь величайшие невзгоды и не сдаться, не опуститься, не потерять себя, не ожесточиться сердцем.

Тяжелая доля выпала его поколению, и оно достойно вынесло ее, но еще далеко не все удалось поведать миру. Значит, впереди новые книги, новые судьбы, новые уроки.

Стоят на наших полках в строгом ряду произведений родной словесности и повествования, рассказы, затеси Виктора Астафьева. В них — северные, трепетные, но удивительно выразительно П. Рубцова, — знобящие поля и по-староверски несокрушимая мощь сибирской тайги, неудержимая стремнина Ентяся и кроткая гладь Кубенского озера, безжалостное кровопролитие великой войны и пронзительное осознание вдруг беспризорником, что кому-то рядом живется еще хуже, кто-то другой еще слабее и нуждается в помощи больше, чем он сам; вековая типична лесной деревеньки и неумолчный гул европейских столиц, светлая печаль народных песен и изысканная лирика эпохи рыцарства — все это и еще многое другое причудливым образом встретилось, переплелось, соединилось, нашло общий исток и явилось в мир раздольным, широким, сложным и цельным характером, имя которому — Виктор Петрович Астафьев.

Ему пойдет, как говорится, на седьмой десяток, начнется иная, наверное, все-таки, высокая пора человеческой жизни, пора мудреца, мыслителя... Что она принесет, какие новые вершины откроет этому страстному, неудержимому в поиске духу — не знает пока и сам именинник, но истово верится, что все задуманное им — свершится. Пожелаем же ему всем сердцем доброго здоровья на многие годы, ибо остальное — тревожная совесть, ум, талант, умение работать, мужество — это все у него есть.

В. ШИРИКОВ.

На снимке: В. П. Астафьев.

Фото Н. ЧЕСНОКОВА.